

УДК 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

© Д.С. Гудин

Аннотация. Рассмотрена роль мифологического пространства в структуре «Книги познания» романа «Лавр» современного русского писателя Е.Г. Водолазкина. Пристальное внимание уделено исследованию топоса (изба, кладбище) как основы формирования мировоззрения и личностных качеств главного героя романа Арсения–Устина–Амвросия–Лавра.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин; «Лавр»; миф; мифологическое пространство; пограничное пространство

В 2012 г. вышел роман доктора филологических наук, специалиста по древнерусской литературе Е.Г. Водолазкина (род. 1964) «Лавр», который стал значимым литературным событием и был отмечен крупнейшими российскими литературными премиями «Большая книга» (первая премия) и «Ясная поляна» [1, с. 16]. Роман представляет собой четырехчастное жизнеописание (в структуре «Лавра» четыре книги: «Книга познания», «Книга пути», «Книга отречения», «Книга покоя», а также пролегомена, открывающая повествование) средневекового врача Арсения–Устина–Амвросия–Лавра, который проходит земной путь вместо своей умершей возлюбленной Устины. Е.Г. Водолазкин в «неисторическом» романе, романе-житии [2], по сути, создает новый христианский миф о русском святом праведнике-врачевателе, юродивом и старце.

Рассуждая о генезисе мифа, в книге «Дом и остров, или Инструмент языка» (2014) Е.Г. Водолазкин говорит о том, что место действия мифа – это пограничье обитаемого мира, некий край ойкумены [3, с. 296]. Это высказывание представляется особенно важным, потому что настоящая работа посвящена анализу мифологического пространства в художественном тексте.

Отправной точкой Пути главного героя романа «Лавр» является изба у кладбищенской стены в окрестностях Рукиной слободки, где живет дед Арсения травник Христофор. Следует отметить, что сама по себе крестьянская изба является объектом мифологическим, потому что, по словам С.А. Есенина, она в своем убранстве и организации является моделью мироздания: «Изба простолюдина – это символ понятий и отношений к миру, выработанных еще до него отцами и предками, которые неосознанный и далекий мир подчинили себе уподоблениями вещам их ко-

ротких очагов» [4, с. 194]. Будучи ребенком, в дедовском доме-пятистенке Арсений через приобщение к мифу узнает мир: аромат сушившихся под потолком трав, павлиньи перья, привезенные паломниками в дар и развешенные веером на стене, иконы в красном углу – все это повествует мальчику об окружающей действительности. Арсения завораживает лик святого мученика песьеголовца-Христофора, в образе которого он различает и некоторые черты своего деда-травника: «Проводя большую часть времени в лесу, дед все охотнее растворялся в природе. Он становился похожим на собак и медведей. На травы и пни. И говорил скрипучим древесным голосом» [5, с. 20].

Мифологические артефакты, которые организуют и наполняют пространство избы травника, во многом определяют личностное становление Арсения, укрепляют в нем дар врачавателя, наделяют его жизненными силами и позволяют сформировать представление об устройстве мира. Так, например, во время топки глиняной печи – одного из главных атрибутов крестьянского жилища – мальчик в пламени мог увидеть птицу феникс или самого себя, но в образе старца Амвросия, причем последнее было не только видением, а обоюдным зрительным контактом (спустя десятилетия старец-врачеватель также «смотрел пламя»). Когда Арсений брал в руки образ кинокефала Христофора, его дед наблюдал, как «таинственные токи иконы перетекают в руки Арсения» [5, с. 21]. Также перья павлина, птицы экзотической и райской, по мнению ребенка, должны были помочь ему оторваться от земли и достигнуть неба, где мальчик смог бы вдохнуть лазурного воздуха и по возможности увидеть покойную бабушку: «Арсений подошел к коньку, взмахнул крыльями и сделал шаг вперед. Полет его был стремителен, но недолог. В правой ноге, которая первой коснулась земли, Арсений почувствовал резкую боль. Он не мог встать и молча лежал, втянув ноги под крылья» [5, с. 22].

Данный эпизод, во-первых, репрезентирует древнегреческий миф о Дедале и сыне его Икаре, в котором говорится о том, что самовольное деяние (нарушение отцовской воли/богоотступничество) приводит к падению (грехопадению).

Во-вторых, этим эпизодом открывается мотив преодоления земного притяжения (преодоление телесности), который будет развиваться как на протяжении всего романа «Лавр» (путь птицы-души, вознесение, утрата физической оболочки, полеты старца Иннокентия), так и следующего за ним романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016), название и слоган которого говорят сами за себя («Авиатор – это человек, способный оторваться от земли») [6].

В-третьих, неслучившийся полет Арсения – это напоминание о первичности земного пути перед небесным странствием. Арсений проходит

земной путь праведника за себя и за свою умершую возлюбленную, но это лишь предвосхищение более значительного пути, который будет осуществляться в иных мирах, за гранью физики земного бытия.

В-четвертых, особой семантикой в данном эпизоде наделяется символ деревянного конька, увенчивающего избяную крышу, в котором закодирована скифская «мистерия вечного кочевья», а также отношение к вечности как к родительскому очагу [4, с. 191]. Иными словами, в данной сцене, происходящей в мифологическом пространстве дома Христофора, реализуется авторская идея о постижении человеком вечности, о выходе за пределы материального.

После смерти своего деда Христофора Арсений влюбляется в девушку Устину, которая становится его невенчанной женой. Арсений боится, что девушка сможет внезапно исчезнуть из его жизни, героя беспокоит возможность общественного порицания, а также Арсения тяготит мысль о том, что совершенство идиллического и гармоничного мира влюбленных может разрушить постороннее вмешательство: «Устина была любовью, а Любовь – Устиной. Он нес ее, будто свечу в темном лесу. Он страшился того, что тысячи жадных ночных существ слетятся на это пламя и поглотят его своими крыльями» [5, с. 74]. Поэтому Арсений скрывал свою возлюбленную от постороннего глаза, и дом его стал свидетелем и хранителем этой тайны.

В этом случае изба как один из основных топосов первой части романа – «Книги познания» уподобляется раю небесному, в котором безмятежно существуют Арсений и Устина. Целесообразно обратиться к библейскому мифу о грехопадении. Так, в Книге Бытия после совершения первородного греха Адам и Ева изгоняются из рая, и весь род человеческий постигает Божья кара. С точки зрения повествовательной структуры, Арсений и Устина повторяют путь Адама и Евы: не будучи повенчанными, они вступают в интимные отношения, таясь от людей и Бога (Арсений не решается исповедоваться, он боится, что после раскрытия его связи с Устиной влюбленных могут разделить). Богоотступничество героя, страх покаяния, гордыня (когда Устине настало время родить, Арсений не позвал повитуху) приводят к трагическим последствиям: Устина погибает, родив мертвого ребенка. Аргументом в пользу того, что Арсений уподобляется Адаму, Устина – Еве, а мифологический топос избы – священному Раю, являются пророческие слова старца Никандра, обращенные к Арсению в раннем детстве: «Каждый из нас повторяет путь Адама и с потерей невинности осознает, что смертен» [5, с. 38].

Следует заметить, что собственно главной особенностью избы, в которой жил Христофор, а затем и лишившийся родителей Арсений, было ее местоположение рядом с кладбищем, то есть можно сказать, что дом

находился на границе мира живых и мертвых. Это пограничье определяет мистику топоса.

Так, Христофор, наделенный даром прозорливости, видит, что в 1495 г. на месте его избы будет возведена кладбищенская церковь, которую разрушат поляки в начале XVII столетия. После на этом же месте вырастет сосновый лес, где грибники будут встречать привидения. Затем после вырубки леса появится больница для бедняков, которую спустя столетие займет уездная ЧК, а на прилегающих территориях будут проводиться массовые захоронения. В годы Второй мировой войны здание будет разрушено во время авиабомбардировки, и в 1947 г. земли будут переданы для размещения полигона 7-й Краснознаменной танковой бригады им. К.Е. Ворошилова. В 1991 г. земли станут собственностью членов садоводства «Белые ночи», которые вместе с картофелем на грядках будут выкапывать многочисленные кости и снаряды [5, с. 15].

Трагическая история этого места описывается Е.Г. Водолазкинским даже не с присущим постмодернизму сарказмом, а с горькой иронией. Однако важно обратить внимание на следующее: почти во всех «реинкарнациях» функция описанного выше мифологического (мистического) пространства сохраняется, по-прежнему это место является гранью двоимирия. И в ипостаси лечебницы для голытьбы, и в ипостаси расстрельного полигона ЧК это место является точкой циклизации человеческой жизни, где земной путь умирающего бедняка или жертвы красного террора подходит к своему завершению; но, с другой стороны, именно в этом месте совершается инициация, в результате которой уже не человек в плотском облики, но душа его начинает иной путь в немислимых пространствах. Кладбище, лес с привидениями или «археологические находки» в виде человеческих костей выполняют во многом схожую функцию: они служат напоминанием о конечности отпущенного срока, а также единят живое (земное) и то, что преодолело притяжение земли.

М.М. Бахтин, размышляя о природе идиллического хронотопа, отмечает появление в XVIII столетии кладбищенской идиллии, примером которой служит элегия Т. Грея (Thomas Gray, 1716–1771) «Elegy Written in a Country Churchyard» (1751) («Сельское кладбище», пер. В.А. Жуковского). М.М. Бахтин пишет о том, что одной из важнейших черт идиллии является циклическая ритмичность времени: «Единство места сближает и сливает колыбель и могилу <...>, детство и старость <...>, жизнь разных поколений, живших там же, в тех же условиях, видевших то же самое» [7, с. 473-475]. По мнению ученого, изображение в идиллии детей и старца, игр на могиле, «соседство» любви, смерти, рождения, старости и

другое символизирует повторимость, некую воспроизводимость жизненного процесса.

В «Лавре» идиллические разновидности (любовно-пасторальная, семейная, кладбищенская) синтезируются. Кладбище – не декорации, не фон действия, но топос, определяющий развитие, психологию, мировоззрение героя. Путь Арсения–Устина–Амвросия–Лавра инверсивен, он не заканчивается кладбищем (как это происходит с большинством обычных людей), он начинается им. Так, герой в детском возрасте впервые проливает семя на кладбище и с утратой невинности познает страх смерти. На кладбище отрок Арсений читает в лучах уходящего солнца о странствиях Александра Македонского, наслаждаясь теплом нагретого за день могильного камня и гармонией с природой: «Арсений лежит на теплой плите. Лежит животом вниз, рядом с ним закрытая Александрия. Его лица касаются желтые головки лютиков. Ему щекотно, и он улыбается. Волк едва заметно виляет хвостом» [5, с. 45]. Там же герой задается важнейшими вопросами (в том числе в контексте романа) об имени и памяти (почему могильные камни безымянные) и в очередной раз убеждается в цикличности всего сущего: «Мы не строим мраморных склепов и не высекаем имен, ибо нашим кладбищам дано право превращаться в леса и поля» [5, с. 43]. Немаловажно и то, что именно на кладбище происходит знакомство героя с его будущей возлюбленной Устиной, которая прячется за надгробиями, потому что ее выгнали из слободки из-за угрозы распространения мора.

Следует отметить, что «Лавр» – это, в первую очередь, роман о Вечности, о Гармонии, о Пути. В этой связи кладбищенский топос является средоточием Пути в широком смысле (телесного и духовного). Тому свидетельствуют слова старца Никандра, произнесенные над могилой травника-Христофора: «Проводивший дни жизни своей в доме у кладбища, дни своей смерти он будет проводить на кладбище у дома. Убежден, что подобная симметрия покойным только приветствуется» [5, с. 61].

Таким образом, можно утверждать, что в структуре «Книги познания» – первой части романа «Лавр», описывающей личностное становление и начало духовного пути Арсения–Устина–Амвросия–Лавра – мифологическое пространство (изба, кладбище, лес и др.) выполняет важную функцию: формирует у героя представление об окружающей действительности (о вечности), становится источником жизненных сил, укрепляет дар героя и способствует рождению *человека-мифа*. Особенно важно отметить, что одно из прозвищ героя – Рукинец изначально характеризует его принадлежность к определенному топосу – Рукиной слободке (поселению, где и происходит действие первой книги), а затем приобретает дополнительную семантику и становится одним из атрибу-

тов мифологизированного человека, человека-легенды, великого Врача, который прикосновением руки может избавлять от болезней.

Список литературы

1. *Сунь Тин*. Отражение философии даосизма в романе «Лавр» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 4. С. 16-22.
2. *Водолазкин Е.Г.* Лавр не просто открывался // Российская газета. 2013. 11 янв.
3. *Водолазкин Е.Г.* Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 384 с.
4. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука, 1997. Т. 5. 464 с.
5. *Водолазкин Е.Г.* Лавр. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 440 с.
6. *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 410 с.
7. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. 879 с.

Поступила в редакцию 01.12.2017 г.

Отрецензирована 27.12.2017 г.

Принята в печать 26.01.2018 г.

Информация об авторе:

Гудин Денис Сергеевич – магистрант по направлению подготовки «Филология». Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: LordSlaing@yandex.ru

PECULIARITIES OF MYTHOLOGICAL SPACE IN THE NOVEL “LAURUS” BY E.G. VODOLAZKIN

Gudin D.S., Master’s Degree Student on Training Direction “Philology”. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: LordSlaing@yandex.ru

Abstract. The role of mythological space in the structure of “Book of Knowledge” of the novel “Laurus” written by contemporary Russian writer E.G. Vodolazkin is considered. Closed attention is focused on topos research (izba, cemetery) as on foundations of worldview and personal qualities formation of the lead character of the novel Arseny–Ustin–Ambrose–Laurus.

Keywords: E.G. Vodolazkin; “Laurus”; myth; mythological space; boundary space

References

1. Sun Tin. Otrazhenie filosofii Daosizma v romane «Lavr» [Reflection of the philosophy of Taoism in the novel “Laurus”]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2014, vol. 1, no. 4, pp. 16-22. (In Russian).

2. Vodolazkin E.G. Lavr ne prosto otkryvalsya [Laurus did not open simply]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Newspaper*, 2013, January 11. (In Russian).
3. Vodolazkin E.G. *Dom i ostrov, ili Instrument yazyka* [The House and the Island, or the Language Tool]. Moscow, AST Publ., Elena Shubina Editorial, 2017, 384 p. (In Russian).
4. Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t.* [Completed Works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1997, vol. 5, 464 p. (In Russian).
5. Vodolazkin E.G. *Lavr* [Laurus]. Moscow, AST Publ., Elena Shubina Editorial, 2015, 440 p. (In Russian).
6. Vodolazkin E.G. *Aviator* [Aviator]. Moscow, AST Publ., Elena Shubina Editorial, 2017, 410 p. (In Russian).
7. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2012, vol. 3, 879 p. (In Russian).

Received 1 December 2017

Reviewed 27 December 2017

Accepted for press 26 January 2018